

Андрей Собакин

**Византийская
монета**

Андрей Собакин

Византийская монета

<https://litres.ru/74651823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Традиция занавешивать зеркала, когда в доме находится покойник, наверное, имеет свои веские причины, и лучше её не нарушать. Но вот котам эти правила неизвестны, и смахнуть покрывало с зеркала - для них это пара пустяков. Но тогда открывается портал в тонкий мир, и оттуда может прийти кто-то с той стороны. Кто-то, кто напомнит вам о долге, о котором вы даже не подозревали...

Основано на реальных событиях, только имена действующих лиц (включая кота) изменены.

Андрей Собакин

Византийская монета

Ночной телефонный звонок никогда не несёт ничего хорошего. Он врывается в ваш сон бесцеремонно и неотвратимо, и вы внезапно оказываетесь в тёмной комнате с неясными очертаниями... Звонок телефона кажется оглушительно громким и ни капельки не мелодичным. Вам слышится отдельно каждая из нот, вываливаемых в ночную тишину; слышно, как они цепляются друг за друга неровными рваными краями с ужасным лязгом и скрежетом, которых вы раньше никогда не замечали...

Проснувшись, я не сразу схватился за телефонную трубку – мне понадобилось несколько секунд, чтобы сперва понять, где я нахожусь, и что происходит. Ночь, темнота, спальня, телефон... Да, звонит телефон! Я дотянулся рукой до столика возле кровати и снял трубку.

- Алло... – ещё не совсем проснувшись невнятно сказал я.

Прежде чем мне ответили, я успел взглянуть на светящиеся цифры будильника – было без четверти два часа ночи. Кто бы это мог быть? Жена с детьми гостила у её родителей, и они должны были вернуться только через несколько дней. И, к тому же, я звонил им часа четыре назад, как только приехал домой из аэропорта. Что-то случилось?

- Алё! – раздался едва слышный, словно откуда-то издали,

женский голос, - Это Денис?

Это была явно не Таня, но узнать чей-то ещё голос, кроме голоса жены, при таком качестве связи я всё равно бы не смог...

- Да, - ответил я, - Это Денис.

- Ой, как хорошо, что я до тебя дозвонилась! – женщина заметно обрадовалась.

Я уже было приоткрыл рот, чтобы спросить: «а кто это?», но тут информация полилась на меня непрерывным потоком:

- Это Зинаида Семёновна, соседка Алексея Михалыча! А я тебе названиваю-названиваю... Уж совсем отчаялась. Алексей Михайлович-то умер. В прошлую пятницу. А из родственников-то у него кроме тебя никого нет. Хорошо, твой телефон был у него записан. А я звоню-звоню, а никто не отвечает. А похороны завтра. Ну, думаю, что делать? Решила вот ещё раз попытаться, и – нате, дозвонилась!

- Я в командировке был... - рассеянно пробормотал я пытаясь переварить услышанное.

- Так я ж тебе и письмо написала, - продолжала тараторить Зинаида Семёновна, - Так пока оно дойдёт... А похороны завтра. Хорошо, что дозвонилась; успеешь, поди, приехать?

- А как... А как это случилось? – спросил я.

- Так прямо на улице. Вышел Михалыч погулять или в магазин, присел на скамеечку у подъезда отдохнуть, тут-то и

умер – сердце остановилось. Наша Марья Фёдоровна мимо проходила, поздоровалась, а он сидит, вроде как задремал, и не отвечает... «Скорая» из района приезжала – но уже ничего и не поделаешь... Все там будем... Михалычу-то уж поди за восемьдесят было?

- Восемьдесят два, - пробормотал я.

- Так успеешь приехать-то?

- Успею, - сказал я.

- На счёт похорон не беспокойся, - сказала Зинаида Семёновна, - Сам начальник комбината обещал всё устроить. Михалыч-то у нас – ветеран. Так что весь посёлок уже в курсе, и мы всё организуем.

- Да... Спасибо... – едва успел ответить я, и тут же пошли короткие гудки.

Я положил трубку и включил свет. Кот, сбежавший с кровати при самом первом звонке телефона, сидел сейчас на пороге спальни и внимательно смотрел на меня своими жёлтыми глазами.

- Ну что, Котыч, - сказал я, - Поедем к деду...

Не сказать, что смерть деда явилась для меня абсолютным шоком. Но всё-таки, несмотря на свой весьма солидный возраст, дед совсем не подавал никаких поводов к размышлениям о смерти и бренности всего земного... Я даже как-то об этом особо и не задумывался. Его жена, моя бабушка, умерла почти двенадцать лет назад, и с тех пор дед жил один. Копался в огороде, полностью обеспечивая себя и на-

шу семью картошкой и чесноком; неизменно подписывался на журнал «Наука и жизнь» и даже был на какой-то должности на горно-обогатительном комбинате, при котором собственно и существовал посёлок – в чём он им там помогал, я так до конца и не понял... Мы навещали его несколько раз в год – приезжать к нам из-за возраста деду было трудно.

Котыч тут же побежал писать в свой чёрный лоток – явно намекал, чтобы я не забыл взять этот лоток с собой. Без лотка в поездках у кота всегда был жуткий стресс, он оказывался писать во что-нибудь ещё и очень переживал. Чёрный лоток мы всегда брали с собой к деду. А ещё у Котыча был голубой лоток, которым он обычно пользовался дома. Даже странно, что вот сейчас он сразу помчался к чёрному – кошачья интуиция или он правда понимает, что я ему говорю?

Получилось немножко неудачно, так как как раз вечером, прилетев из командировки, я забрал кота у Сухановой. Это моя бывшая одноклассница, у неё мы обычно оставляли Котыча, когда куда-нибудь уезжали – на отдых или к родственникам. Муж Сухановой, мрачноватого вида южный мужчина, как мне кажется, воспринимал меня как неизбежное зло, но он был очень равнодушен к котам, так что практически всегда они соглашались приютить Котыча на несколько дней – неделю. К сожалению, как раз вчера вечером, когда я забирал Котыча, Суханова сказала, что они уезжают в гости к родне её мужа, в Азербайджан. Так что оставить кота у них я не мог. Выбора особого не было – пришлось взять Котыча

с собой к деду. Вернее, на похороны деда.

Сразу после разговора с Зинаидой Семёновной я позволил жене – два часа ночи, естественно, никто не ответил. Сборы были недолгими – большая спортивная синяя сумка, пара трусов-носок в отдельном пакете, зубная паста, зубная щётка, и в ту же сумку – чёрный лоток Котыча и сам Котыч. Уже примерно через почаса я вышел из дому. Была ночь, пусто, холодно... Котыч недовольно скрылся на дне сумки и больше не показывался. После первых двух десятков шагов от дома в сторону светившейся на другой стороне улицы большой буквы «М», я вдруг вспомнил, что метро уже закрыто. Чёрт! Надо было сразу вызвать такси... Пока я это осознавал, на пустынной ночной улице появилась машина. Я решительно шагнул к краю тротуара и поднял руку. Возле меня остановилась довольно потасканого вида тёмно-бордовая «девятка», словно доставленная сюда через портал времени прямо из 1990-х. С сумкой с котом и вещами на плече, я приоткрыл дверцу машины и, заглядывая внутрь, нерешительно спросил:

- Здравствуйте... До Курского вокзала не подбросите?

Полноватый мужик за рулём молча кивнул. Я плюхнулся на сиденье и поставил сумку себе на колени. Котыч тут же выглянул из-за неполностью застёгнутой «молнии» и встретился взглядом с водителем. Оба почти сразу отвернулись друг от друга. Машина рванула с места, и мы помчались по пустынным ночным улицам. Внезапно зазвонил мой мобиль-

ный телефон.

- Алло? – растерянно ответил я.

Это была жена.

- Ты чего? Звонил, что ли? – непроснувшимся голосом спросила она.

- Да... – нерешительно ответил я, покосившись на водителя «девятки».

- А я проснулась... – сказала Таня, - Смотрю – пропущенный вызов...

- Да, - сказал я, - Я звонил...

- Чего такое? – поинтересовалась жена.

- Мне тут только что позвонили, - сказал я, - Дед умер. Завтра похороны.

Таня промолчала.

- Я сейчас на вокзал еду, - сказал я, - Если похороны завтра, то послезавтра я уже снова дома буду.

- Да... – пробормотала Таня, - Но мы только в субботу вернёмся...

- Ну вот, успею до вашего возвращения, - сказал я, - Так что не волнуйтесь.

- Он же уже старый был? – нерешительно спросила Таня.

- Восемьдесят два года, - ответил я.

- Да-да, я помню, - сказала она, - Мы у него с детьми в январе были.

- Да, - кивнул я, - На Новый год... Скажи детям...

- Скажу... – вздохнула жена, - Расстроятся, конечно...

Деньги-то на похороны взял?

- Что-то взял, - ответил я, - должно хватить... В крайнем случае, как-нибудь договоримся там, на месте...

Я опасливо покосился на водителя. Ночь, никого и клиент с кучей денег на похороны... Краем глаза заметил у него шрам на правой щеке; и рожа – какая-то красная, опухшая... Однако водитель никак на мой разговор по телефону не прореагировал. Явно слышал всё, но не показал виду... Притворяется, гад... Бдительность усыпляет...

До вокзала мы добрались намного быстрее, чем я ожидал. Хотя, почему бы и нет – ночь, никаких пробок... Остановились. Чёрт! Мы же никак не договорились о цене... Вот и заломит сейчас... Чего ж я сразу-то не договорился?..

- Сколько с меня? – неуверенно спросил я.

Водитель со скучающим видом отвернулся в сторону.

- Иди давай, - сказал он, - На поезд опоздаешь.

- Да, но за проезд... – пробормотал я.

- Да не возьму я с тебя ничего, - уже раздражённо сказал водитель, - Иди, а то на похороны опоздаешь!

Вот и верь после этого людям. Думал – обдерёт как липку и, спасибо, не убьёт, а он оказался вон какой... Мы с Котычем вывалились из машины и вошли в здание вокзала.

Все кассы были закрыты... Хотя нет, в самом конце в двух окошках горел свет. Одна из освещённых касс была пуста, а во второй сидела полупожилая тётка с пышными кудряшками блондинистых волос. Отложив газету с кроссвордом,

она вопросительно уставилась на меня. С билетом проблем не возникло. Правда, до отправления поезда пришлось просидеть в зале ожидания почти два часа...

В посёлок, где жил дед, я прибыл около полудня на разбитом в ужасть тёмно-желтом автобусе «Лиаз», где над выходом за мутный пластиком висели правила пользования датированные ещё аж тысяча девятьсот семьдесят восьмым годом. Всю дорогу я стоял на задней площадке и на редких остановках с интересом наблюдал, как невероятно исправно открывались-закрывались почти насквозь проржавевшие гармошки задних дверей; гнутые и корявые детали которых, покрытые чёрной смазкой в перемешку с грязью, удивительно дополняли друг друга – двери казались самостоятельным живым организмом, который отказывался умирать...

Это был посёлок городского типа, где в окружении частных домов толпилась небольшая группа панельных четырёхэтажных «хрущовок» постройки где-то начала 1960х годов. Квартира деда располагалась в одном из них, на третьем этаже. С Котычем в сумке на плече я вышел из автобуса и направился туда. Первое, что я увидел войдя в подъезд, была красная крышка гроба. Она стояла вертикально прислонённая к стенке под лестницей слева. Вряд ли в доме готовились сразу к нескольким похоронам – так что крышка явно была от дедова гроба. «Значит, по крайней мере, гроб уже есть. Это хорошо», - отметил я про себя и начал подниматься по лестнице. Дверь квартиры была открыта настежь, и внут-

ри виднелась куча народу – ну прямо как вагон московского метро в час пик. Квартира была малометражная, с миниатюрной прихожей, в которой сейчас толпилось не менее пяти-шести человек. Что они там делали, я так и не понял – они просто стояли, разговаривали и с любопытством заглядывали вглубь квартиры. На меня никто не обратил внимания. Я в растерянности остановился не решаясь переступить порог. Да и войти там уже в принципе было некуда. Неожиданно из глубины квартиры появилась невысокая округлая тётенька с тёмно-красной косынкой на голове.

- Денис! – воскликнула она, - Хорошо, что ты приехал!

Я её тоже узнал – это была Зинаида Семёновна, соседка деда.

Я не успел ничего сказать, как она схватила меня за руку и потащила в квартиру. Чтобы мы смогли войти, трём товарищам пришлось выйти на лестничную площадку. Остальные по-прежнему толпились в коридоре.

В комнате было посвободнее. На столе стоял гроб. В гробу лежал дед. Лицо его было закрыто белым полотенцем с красной вышивкой по краям. На столе, слева и справа от гроба, а так же в голове и в ногах, горели тонкие жёлто-коричневые церковные свечи. Под столом в большом эмалированном тазу, наполненном фиолетово-красным раствором марганцовки, лежал топор. Причём не обычный такой средний топор из магазина садовых принадлежностей, а крупный, с длинным, явно самодельным топорищем, которое нахально тор-

чало из таза чуть ли не на метр в сторону. Наверное, такими топорами проламывали доспехи тевтонских рыцарей во время Ледового побоища... И где они его взяли? У деда такого точно не было. На диване, словно на лавочке у подъезда, сидели в ряд четыре практически одинаковые старушки в косынках. Несколько человек помоложе сустились в комнате, занимаясь непонятно чем. В квартире повсюду горел свет. Высокое зеркало над туалетным столиком в углу (кажется, такие называются «трюмо») было основательно занавешено белой простынёй, а окна в комнате – плотно зашторены. Даже телевизор был накрыт каким-то покрывалом.

Мой взгляд всё время упрямо возвращался к топору в тазе с марганцовкой, что не осталось незамеченным Зинаидой Семёновной.

- Это чтобы не разлагался раньше времени, и чтобы запаха сильного не было, - деловито пояснила она.

Только теперь я осознал, что непривычный сладковато-приторный запах наполнявший квартиру – это был трупный запах. Я снова взглянул на топор – ну вот, в космос летаем, атом расщепили, а топор в тазике с марганцовкой под покойником всё-таки ставим... Впрочем, кто знает – может и помогает...

Зинаида Семёновна подтолкнула поближе ко мне какого-то молодого парня с блуждающим взглядом и бледным лицом. Было сразу заметно, что парень был невообразимо пьян.

- Вот! – поддерживая парня в вертикальном положении и повернув его в мою сторону сказала Зинаида Семёновна, - Это Паша, он Алексею Михалычу гроб делал!

Словно проснувшись Паша посмотрел сначала на меня, а потом перевёл взгляд на выглядывающего из сумки на моём плече Котыча.

- Хороший гроб... – пробормотал он, - Как для себя делал...

Поскольку поймать взгляд Паши было абсолютно невозможно, я повернулся к соседке и негромко спросил:

- Мне надо ему заплатить? Сколько?

Паша услышал мой вопрос и сделал почти удачную попытку зафиксировать на мне свой взгляд.

- Ни-ни! Я ж для Михалыча его делал! – решительно возразил он, - Хороший гроб... Ей богу, сам бы лёг, но Михалычу сейчас нужнее...

С этими словами Паша похлопал меня по плечу и пошатываясь направился к выходу из квартиры.

Зинаида Семёновна проводила его взглядом, убедившись, что тот с третьей попытки всё-таки попал в дверь, а потом повернулась ко мне:

- Ты вот что. Ты лучше денежку Марье Никитишне дай (она показала на одну из одинаковых старушек сидевших на диване), ей нужнее, да и полагается – она Алексея Михайловича обмывала...

Старушка взяла деньги не глядя, и, кажется, она тоже бы-

ла немножко пьяненькая. На небольшом столике возле дивана я разглядел пару открытых бутылок водки и несколько стаканчиков. На полу у столика уже стояло несколько пустых бутылок – сразу стало понятно, как Паша дошёл до нужной ему кондиции...

- А когда похороны-то? – спросил я.

- Так я ж сказала, что завтра, - ответила Зинаида Семёновна.

- Завтра... – машинально повторил я.

- Да ты не волнуйся, - обратился ко мне какой-то мужчина, - Всё организуем. Место на кладбище уже подобрали – с краю, под берёзкой... Школу уже привлекли... Вождь с транспортом обещал помочь и с трактором – могилу копать.

- Вождь? – не понял я.

- Директор комбината, - пояснила соседка.

- Начальник, - добавил мужчина выразительно подняв указательный палец, - И ещё он Ильич по бабушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.